

УДК 811.161.1 (075)

РУССКОЕ ЛИЧНОЕ МЕСТОИМЕНИЕ «Я» В КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

© 2020 г.

И.Ю. Гранева

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

irina.graneva@mail.ru

Поступила в редакцию 01.09.2020

Рассматриваются семантика и особенности функционирования русского личного местоимения 1 л. ед. ч. *Я* в контексте коммуникативно-прагматического подхода. Разграничиваются типы референтного и нереферентного употребления местоимения на основе противопоставления дейктической и номинативной функций, реализуемых в типовых контекстах их употреблений. Охарактеризовано 8 типов референтных употреблений и 2 типа нереферентных употреблений местоимения *Я*, которые различаются в зависимости от характера речевой ситуации и денотативного статуса участников коммуникации. Полученные данные составили основу интегрального семантического представления, т.е. «лексикографического портрета» местоимения *Я* в русском языке.

Ключевые слова: русские личные местоимения, местоимение *Я*, лексикографическое портретирование, коммуникативно-прагматический подход, референтные и нереферентные употребления, русский язык.

В статье освещаются возможности рассмотрения семантики и особенностей функционирования русского личного местоимения 1 л. ед. ч. *Я* в контексте разрабатываемого нами коммуникативно-прагматического подхода к описанию личных местоимений на основе современной постклассической теории референции [1; 2]. В наших предыдущих исследованиях данный подход был успешно апробирован на примере местоимения *МЫ* [3].

Цель исследования – охарактеризовать все возможные типы референтных и нереферентных употреблений русского личного местоимения *Я*, которые составляют основу его интегрального семантического представления, т.е. своего рода «лексикографического портрета» местоимения *Я* в русском языке.

Исследование основывается на следующих **теоретических принципах**. Прежде всего необходимо отметить концепцию указательного поля К. Бюлера, в которой обосновано принципиальное противостояние двух классов слов в естественном языке: называющих (номинативных) и указательных (дейктических) [4]. Активное развитие идей лингвистического когнитивизма привело к теории языковой концептуализации мира [5–8], основные идеи которой показывают свою значимость для описания не только номинативных единиц языка, но и грамматических, разного рода служебных элементов, в том числе – языкового дейксиса.

Непосредственно комплексное описание типов употребления личных местоимений базируется на теории «интегрального описания языка» Ю.Д. Апресяна, в рамках которой разработаны

исходные принципы так называемого «лексикографического портретирования», которое включает в себя не только сведения о семантических свойствах лексемы, но и информацию сочетательного, коммуникативного, прагматического характера: «каждой лексеме должны быть явным образом приписаны все свойства, обращения к которым могут потребовать какие-либо лингвистические правила. В число последних включаются, естественно, не только собственно грамматические, но и семантические, прагматические, коммуникативные и иные правила. Из этой установки почти автоматически следует, что микромир лексемы должен быть представлен в словаре с учетом всех тех связей и взаимодействий, которые определяют ее жизнь в языке и ее поведение в составе высказывания» [9, с. 504]. Немаловажными в этом плане выступают и принципы и конкретные образцы применения семантического метаязыка толкований Анны Вежицкой [10].

Сама возможность применить принципы «лексикографического портретирования» к описанию семантики дейктических единиц языка опирается на идеи Н.Ю. Шведовой, согласно которым, не обозначая конкретных лиц, объектов или признаков, система местоимений, тем не менее, играет важнейшую роль в языке, так как представляет собой «арсенал смысловых абстракций, заключенных в языке в целом; этим определяется роль местоимений в системе других классов слов» [11, с. 8].

Специфика семантического представления личных местоимений состоит в том, что их значения, будучи предельно абстрактными в си-

стеме языка, конкретизируются в результате сложного взаимодействия явлений разных уровней: непосредственного речевого контекста употребления, коммуникативной характеристики речевой ситуации в целом и статуса ее участников, а также механизмов его референции, которые, вслед за Е.В. Падучевой, понимаются нами как «механизмы, позволяющие связывать речевые сообщения и их компоненты с внеязыковыми объектами, ситуациями, событиями, фактами, положениями дел в реальном мире» [2, с. 7]. Именно в работах Е.В. Падучевой сформулировано значимое для целей нашего исследования научное понятие «денотативного статуса», или «типа референции» местоимения, которое в наших работах для краткости именуется просто «тип употребления (первичное референтное, вторичное референтное и нереперентное употребления)» [3].

Понятие **типа употребления** является понятием, обобщающим традиционные понятия «значение», «оттенок смысла», «лексико-семантический вариант» и др.: имеется в виду определенный тип значения единицы, возникающего в типовых же коммуникативных и прагматических условиях в конкретных речевых актах, который отражает только одну сторону ее общей семантики, а именно «семантический объем», т.е. объект / объекты внеязыковой действительности, на которые указывает данное словоупотребление.

Таким образом, в качестве непосредственно-го **метода исследования** выступает разработанный нами на основе идей Е.В. Падучевой метод референциального анализа местоимений в типовых контекстах их употребления. Сама возможность применения именно этого метода к описанию семантики личных местоимений видится Е.В. Падучевой в том, что именно местоимения (в том числе – личные) являются главным средством референции в системе языка: «Обращение к референциальным аспектам высказывания показало, что местоимения <...> образуют <...> лексико-семантический класс слов, единство которого обусловлено его принципиальной ролью в осуществлении референции: это слова, в значение которых входит либо отсылка к акту речи, либо указание на тип соотносительности высказывания с действительностью» [2, с. 10–11].

Материалом для исследования выступают теоретические сведения «Русской грамматики-80» [12]; русские этимологические словари [13; 14], русский семантический словарь [15] и основные русские толковые словари [16–22].

Избранный нами подход обнаруживает существенную **практическую значимость**, которая заключается в возможности его использова-

ния в самых разнообразных видах практического приложения, в том числе в теории и практике создания словарей нового типа, а также в лингвистической экспертизе в духе работ [23; 24], что было продемонстрировано, например, по результатам совместного исследовательского проекта, представленным в работе [25].

В соответствии с принятой концепцией исследования, базовой классификацией типов употребления для местоимений является их деление на **референтные** и **нереперентные употребления**. Еще в работах К. Бюлера мы встречаем указание на возможность использовать местоимения не только в их первичной дейктической функции указания на непосредственного участника коммуникации, но и в номинативной функции для обозначения какого-либо выделенного класса лиц [4, с. 129]. Таким образом, главным классификационным признаком разграничения референтных и нереперентных употреблений является наличие/отсутствие референции к непосредственному участнику/участникам коммуникации (говорящий, адресат и пр.).

Главным критерием разграничения «референтного» и «нереперентного» **МЫ** является его употребление или по отношению к лицам, которые являются непосредственными участниками коммуникации (и тем самым могущими стать объектами конкретной референции), или по отношению к неопределенному множеству лиц, не участвующих в акте коммуникации непосредственно. Согласно Е.В. Падучевой, личные местоимения входят в группу слов, в значение которых входит отсылка к участникам акта речи или к речевой ситуации (т.е. слов, выполняющих собственно дейктическую функцию) [2, с. 133]. Референтную функцию личных местоимений, таким образом, следует признать исходной. Внутри референтных употреблений также существенным является деление на **первичные референтные** и **вторичные референтные употребления** (последние имеют место, когда личное местоимение в режиме косвенно-речевой коммуникации обозначает не свойственное ему в системе языка лицо, участвующее в коммуникации, например, **МЫ** в значении **Я** или **ТЫ/ВЫ** и под.) [3]. К **нереперентным употреблениям** личных местоимений относятся случаи, когда местоимение обозначает какое-либо конкретное или неопределенное лицо или класс лиц, т.е. ведет себя как стандартная номинативная единица языка – например, «обобщенно-личное» **МЫ**, отсылающее ко всем людям (**МЫ** = *все люди*). Вслед за Е.В. Падучевой в наших работах выделяются следующие разновидности нереперентных употреблений для личных местоимений: экзистенциальные (в

разновидностях: дистрибутивные, неконкретные, общеэкзистенциальные), универсальные, родовые [2, с. 94].

Местоимение *Я*, в силу особенностей своей языковой семантики и функционирования в речи, не имеет такого существенного потенциала смыслового развития, как это свойственно местоимению *МЫ* [3]. В частности, для местоимения *Я* ограничены возможности так называемого «концептуального смещения» (conceptual embodiment) [26] – указания на других участников коммуникации (*Я* не может быть употреблено в функции *МЫ*, *ВЫ*, *ТЫ*, *ОН* и пр.), а также нереферентного обозначения класса людей по какому-либо значимому признаку. Это, в частности, обусловило отсутствие так называемых «вторичных референтных употреблений» для местоимения *Я* в нашем материале и небольшое количество типов нереферентного употребления. При этом местоимение *Я* все же демонстрирует достаточно разнообразный спектр значений, не сводимых исключительно к указанию на говорящего.

Первичные референтные употребления Я

Исходное дейктическое употребление местоимения *Я* характеризуется указанием на говорящее лицо в акте коммуникации. Этимологически это значение также следует признать первичным – ‘употребляется говорящим, когда он имеет в виду себя одного и говорит о себе самом’ [14]. Практически во всех индоевропейских языках отражен этот корень, который имел в праславянском, по мнению М. Фасмера, вид *азь, а в праиндоевропейском – *eg'(h) [13]. Интересно, что в словаре П.Я. Черных в качестве исходного для этого корня указано не дейктическое, а экзистенциальное значение ‘мое бытие, мое присутствие здесь’ [14], что в принципе характерно для древних мифологических форм языкового мышления.

Первичное референтное употребление *Я* отражено в исходных словарных толкованиях практически всех основных русских толковых словарей – см., например, в БАС, МАС и др.: ‘1. Употребляется говорящим для обозначения самого себя’ [16–22]. Ср. близкую формулировку в «Русском семантическом словаре»: ‘Служит для обозначения говорящим самого себя...’ [15]. В «Русской грамматике–1980» видим похожую трактовку: «Местоимение *я* указывает на лицо говорящее: *я пишу, я ходил в театр, мне ехать в город*» [12, с. 529]. По аналогии с осуществленным ранее в нашем диссертационном исследовании опытом «лексикографического портретирования» местоимения *МЫ* [27] присвоим данному употреблению индекс *IPY* (первичное референтное употребление).

В современном лингвистическом когнитивизме и в лингвистической теории нарратива говорится о неоднородности говорящего субъекта, о выполнении им разных ролей с точки зрения концептуального осмысления позиции индивидуума в мире. В целях нашего исследования интерес представляет предложенное А. Вежбицкой разграничение «тела» и «духа» в семантическом представлении субъекта высказывания: *Я лежу на кровати* = ‘мое тело лежит на кровати (занимает определенное место в пространстве)’; *Я люблю петь* = ‘мой дух любит петь (испытывает устойчивый интерес к определенному занятию)’; *Я иду в школу* = ‘мое тело идет в школу, потому что мой дух этого хочет’ [10]. Таким образом, мы можем конкретизировать общее исходное употребление и отразить это в индексах *IPY*_{тел} (первичное референтное употребление «телесное»); *IPY*_{дух} (первичное референтное употребление «духовное»); *IPY*_{тел/дух} (первичное референтное употребление в позиции совмещения телесного и духовного).

Кроме того, выяснилось, что говорящий субъект, которого мы условно именуем *Я* «духовное», также концептуально неоднороден. В ряде языков мира даже на лексическом уровне различаются *Я* «социальное», проявляющееся в обращении к другим людям (*Я спрашиваю тебя*), и *Я* «внутреннее», проявляющееся в процессе осознания своей ментальной деятельности (*Я думаю*) [28; 29]. Е.В. Падучева для обозначения разных типов воплощенности говорящего субъекта в процессе коммуникации вводит понятие «роль говорящего» и выделяет четыре роли: (1) говорящий как субъект дейксиса, который отвечает за прагматические значения дейктических координат типа *здесь, сейчас* и пр. (*Я здесь; Я пришел сюда* и пр.); (2) говорящий как субъект речи, который проявляет себя в коммуникативной направленности речевых актов, т.е. в вербализации определенных иллюкативных целей (*Я обещаю больше так не делать; Я прошу тебя не шуметь* и пр.); (3) говорящий как субъект сознания, который обнаруживает себя как субъект ментального, эмоционального или волевого состояния (*Я думаю о тебе; Я вспоминаю прошлую встречу; Я хочу поехать на дачу* и пр.); (4) говорящий как субъект восприятия, который проявляется в конструкциях, предполагающих «фигуру наблюдателя» (*Я слышу твой голос; Я плохо тебя вижу* и пр.) [30]. Отметим, что указанные роли согласуются с разновидностями «точек зрения», введенными в классической работе Б.А. Успенского «Поэтика композиции» [31].

Все указанные роли не обязательно выражаются именно употреблением местоимения

Я. Но, употребляя *Я*, говорящий в пределах одного высказывания так или иначе выражает какую-либо из этих ролей, либо некоторые из них, либо даже все. Данные соображения позволяют нам зафиксировать новые употребления *Я* как разновидности *Я* «духовного» и приписать им следующие индексы: $\text{IPY}_{\text{дух}}^{\text{CD}}$ (первичное референтное употребление «духовное», субъект дейксиса); $\text{IPY}_{\text{дух}}^{\text{CP}}$ (первичное референтное употребление «духовное», субъект речи); $\text{IPY}_{\text{дух}}^{\text{CC}}$ (первичное референтное употребление «духовное», субъект сознания); $\text{IPY}_{\text{дух}}^{\text{CB}}$ (первичное референтное употребление «духовное», субъект восприятия).

Словари не отражают еще одну разновидность первичного референтного употребления *Я*, которую можно условно именовать «авторское *Я*». В лингвистической теории нарратива уже давно доказано, что *Я* в устной коммуникации и *Я* в письменном тексте, особенно в художественном, обозначают, с точки зрения референции, разные вещи. Так, в работах Е.В. Падучевой указывается, что *Я* в нарративе принадлежит не реальному автору-говорящему, а особому текстовому конструкту («текстовой проекции реального говорящего», который именуется «образ автора» или Повествователь» [30]). Референциально это разные типы субъекта, для которых существенно различаются коммуникативно-прагматические параметры. Этому типу употребления мы присвоим индекс $\text{IPY}_{(n)}$ (первичное референтное употребление, письменное), а также особо выделим *Я* в художественном произведении $\text{IPY}_{(n)}^{\text{X}}$ (первичное референтное употребление, письменное, художественное), памятуя о том, что в нарративе *Я* все же функционально отличается, например, от публицистического или научного *Я*.

Нереферентные употребления *Я*. Сама возможность перехода дейктической функции местоимения *Я* в номинативную обоснована в работах К. Бюлера: «Вполне возможно, что элемент единственного числа, который ... на нашей языковой ступени содержится в *я*, четче проявляется в оппозиции, а именно в оппозиции со специальным знаком, обозначающим двойственность или множественность адресата. И этот четко выраженный элемент единичности с логической точки зрения относится не к чистому указанию, а составляет первый шаг называния» [4, с. 129].

В наших предыдущих исследованиях, вслед за Е.В. Падучевой, было выявлено несколько разновидностей нереферентных употреблений для личных местоимений [3; 27]. Это прежде всего **универсальное нереферентное употребление**, соответствующее логическому **квантору всеобщности**: *Все S суть P*. Речь идет о так

называемом «обобщенно-личном» употреблении *Я* в значении ‘всякий, любой человек’. На возможность подобного употребления указывается в русских словарях, например, в «Русском семантическом словаре»: ‘Служит для обозначения говорящим самого себя, **а также, в обобщенном значении, обозначает самого себя как любого, каждого**’ [15]. В «Русской грамматике-1980» также отмечается, что местоимения *Я* и *ТЫ* «могут иметь также обобщенное значение и абстрагированно представлять любое лицо. <...> Обобщенное значение приобретают местоимения *я* и *ты* в таких условиях контекста или в таких ситуациях, когда отнесенность к единичному и определенному лицу одновременно предполагает возможность – при сходной ситуации – отнесенности к любым другим лицам: *Я человек и ничто человеческое мне не чуждо*» [12, с. 529]. Такому употреблению может быть приписан индекс НРУ_y (нереферентное употребление универсальное: ‘я = все’).

Также нами было выделено **экзистенциальное нереферентное употребление**, соответствующее логическому **квантору существования**: *Некоторые S суть P; Существуют S...* В этих случаях речь идет о достаточно специфичных контекстах употребления *Я*, когда оно выступает как противопоставление одного отдельного человека нескольким, многим. Ср., например, толкование в словаре Т.Ф. Ефремовой: ‘2. Употребляется при обозначении одного, отдельного человека в противоположность нескольким, многим’ [18]. Аналогичное толкование имеется в БАС: «Об одном, отдельном человеке в противоположность нескольким, многим. *Баратынский говорит, что в женихах счастлив только дурак; а человек мыслящий беспокоен и волнуем будущим. Доселе он я – а тут он будет мы*. Пушкин. Письмо П. А. Плетневу, 29 сент. 1830» [21]. Такому употреблению может быть приписан индекс НРУ_x (нереферентное употребление экзистенциальное: ‘я ↔ многие, некоторые’).

В работах Е.В. Падучевой выделяются еще атрибутивное и родовое нереферентные употребления, которые характеризуют какое-либо множество по его свойству или какой-либо таксономический разряд. В отличие от местоимения *МЫ*, местоимение *Я* лишено возможности обозначать какое-либо множество лиц, поэтому данные разновидности нереферентных употреблений для него нехарактерны.

В заключение мы можем наметить семантическую структуру типов употребления для местоимения *Я*, которая получает следующий вид.

I. Первичные референтные употребления:

$\text{IPY}_{\text{тел}}$ (первичное референтное употребление «телесное»);

IPY_{дух}^{CD} (первичное референтное употребление «духовное», субъект дейксиса);

IPY_{дух}^{CP} (первичное референтное употребление «духовное», субъект речи);

IPY_{дух}^{CC} (первичное референтное употребление «духовное», субъект сознания);

IPY_{дух}^{CB} (первичное референтное употребление «духовное», субъект восприятия);

IPY_{тел / дух} (первичное референтное употребление в позиции совмещения телесного и духовного);

IPY_(n) (первичное референтное употребление, письменное);

IPY_(n)^X (первичное референтное употребление, письменное, художественное).

II. Нереперентные употребления:

HPY_y (нереперентное употребление универсальное: 'я = все');

HPY_y (нереперентное употребление экзистенциальное: 'я ↔ многие, некоторые').

Данное семантическое представление местоимения Я выступает как своего рода костяк, основа для его совокупного «лексикографического портрета», который будет расширен и дополнен в дальнейших исследованиях.

Список литературы

1. Крылов С.А. О семантике местоименных слов и выражений // Русские местоимения: семантика и грамматика: Межвузовский сборник научных трудов. Владимир: ВГПИ, 1989. С. 5–12.
2. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985. 272 с.
3. Гранева И.Ю. О референтном и нереперентном употреблении местоимения *мы* // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 4. С. 206–210.
4. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / Пер. с нем.; Общ. ред. и коммент. Т.В. Булыгиной, вступ. ст. Т.В. Булыгиной и А.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1993. 528 с.
5. Радбиль Т.Б. Аномалии в сфере языковой концептуализации мира // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1 (13). С. 239–265.
6. Радбиль Т.Б., Рацбургская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. 2017. № 2. С. 33–39.
7. Радбиль Т.Б., Сайгин В.В. Особенности парадигматической и синтагматической реализации концептуального поля «грех» в современном русском языке [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. URL: www.science-education.ru/119-15195 (дата обращения: 10.05.2020).
8. Радбиль Т.Б., Маринова Е.В., Рацбургская Л.В. [и др.] Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: Кол. мон. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. 325 с.
9. Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2-х т. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. 767 с.
10. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ.; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
11. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.
12. Русская грамматика: В 2-х т. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова; АН СССР. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.: Наука, 1980. Т. I. 788 с.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х тт. 2-е изд., стереотип. / Пер. с нем. и доп. чл.-кор. АН СССР О.Н. Трубачева; Под ред. и с пред. Б.А. Ларина. М.: АСТ, 2009. Т. IV. 864 с.
14. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. 3-е изд., стер. М.: Русский язык, 1999. Т. 2. Панцирь – Ящур. 560 с.
15. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: В 4-х т. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998. Т. I. 807 с.
16. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
17. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М.: Рипол-Классик, 1999. Т. 4. 1144 с.
18. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2-х т. М.: Русский язык, 2000. Т. II. 1088 с.
19. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 14-е изд., доп. / РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 2000. 944 с.
20. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 4. 1988. 802 с.
21. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. Т. 17. 1965. 1074 с.
22. Толковый словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Терра, 1996. Т. 4. 1064 с.
23. Радбиль Т.Б. Выявление содержательных и речевых признаков недобросовестной информации в экспертной деятельности лингвиста // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 146–149.
24. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3 (2). С. 18–21.
25. Радбиль Т.Б., Юматов В.А., Гранева И.Ю. Манипулятивный потенциал русских местоимений в лингвистической экспертизе спорных текстов // Язык

и метод–6: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI в.: Сборник научных трудов / Ред. Д. Шумска, К. Озга. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagellońskiego, 2019. С. 147–153.

26. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис / Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, А.А. Кибрик и др.; Отв. ред. Т.В. Булыгина; Рос. АН, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1992. 281 с.

27. Гранева И.Ю. Местоимение *мы* в современном русском языке: коммуникативно-прагматический подход: Дисс. ... канд. филол. наук. Киров, 2010. 197 с.

28. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: Учебное пособие. 4-е изд., стереотип. М.: Флинта; Наука, 2016. 328 с.

29. Радбиль Т.Б. Когнитивистика: Учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2018. 375 с.

30. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

31. Успенский Б.А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 352 с.

RUSSIAN PERSONAL PRONOUN «YA» («I») IN COMMUNICATIVE-PRAGMATIC ASPECT

I.Yu. Graneva

The article considers semantic and functional properties of the Russian personal pronoun 1st p., Sing. «Ya» («I») in the aspect of communicative-pragmatic approach. The types of its referential and non-referential usage are distinguished on the basis of the deictic and nominative functions antinomy actualized in standard contexts of pronominal usage. The work presents 8 types of referential usage and 2 types of non-referential one which differ depending on speech situation character and communicants' denotative status. The data obtained is the basis of the pronoun «Ya» («I») integrative semantic representation, i.e. of its «lexicographic portray» in Russian.

Keywords: Russian personal pronouns, pronoun «Ya» («I»), lexicographic portraying, communicative-pragmatic approach, referential and non-referential usage, Russian language.

References

1. Krylov S.A. O semantike mestoimennyh slov i vyrazhenij // Russkie mestoimeniya: semantika i grammatika: Mezhdvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Vladimir: VGPI, 1989. S. 5–12.
2. Paducheva E.V. Vyskazyvanie i ego sootnesenost' s dejstvitel'nost'yu (referencial'nye aspekty semantiki mestoimenij). M.: Nauka, 1985. 272 s.
3. Graneva I.Yu. O referentnom i nereferentnom upotreblenii mestoimeniya *my* // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2008. № 4. S. 206–210.
4. Byuler K. Teoriya yazyka. Reprezentativnaya funkciya yazyka / Per. s nem.; Obshch. red. i komment. T.V. Bulyginoy, vstup. st. T.V. Bulyginoy i A.A. Leont'eva. M.: Progress, 1993. 528 s.
5. Radbil' T.B. Anomalii v sfere yazykovoj konceptualizacii mira // Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii. 2007. № 1 (13). S. 239–265.
6. Radbil' T.B., Raciburskaya L.V. Slovoobrazovatel'nye innovacii na baze zaimstvovannyh elementov v sovremennom russkom yazyke: lingvokul'turologicheskij aspekt // Mir russkogo slova. 2017. № 2. S. 33–39.
7. Radbil' T.B., Sajgin V.V. Osobennosti paradigmaticeskoy i sintagmaticeskoy realizacii konceptual'nogo polya «grekh» v sovremennom russkom yazyke [Elektronnyj resurs] // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2014. № 5. URL: www.science-education.ru/119-15195 (data obrashcheniya: 10.05.2020).
8. Radbil' T.B., Marinova E.V., Raciburskaya L.V. [i dr.] Russkij yazyk nachala XXI veka: leksika, slovoobrazovanie, grammatika, tekst: Kol. mon. N. Novgorod: Izd-vo NNGU im. N.I. Lobachevskogo, 2014. 325 s.
9. Apresyan Yu.D. Izbrannye trudy: V 2-h t. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1995. T. II: Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya. 767 s.
10. Vezhbickaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie / Per. s angl.; otv. red. i sost. M.A. Krongauz. M.: Russkie slovari, 1997. 416 s.
11. Shvedova N.Yu. Mestoimenie i smysl. Klass russkikh mestoimenij i otkryvaemye imi smyslovye prostranstva. M.: Azbukovnik, 1998. 176 s.
12. Russkaya grammatika: V 2-h t. / Gl. red. N.Yu. Shvedova; AN SSSR. In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova. M.: Nauka, 1980. T. I. 788 s.
13. Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: V 4-h tt. 2-e izd., stereotip. / Per. s nem. i dop. chl.-kor. AN SSSR O.N. Trubacheva; Pod red. i s pred. B.A. Larina. M.: AST, 2009. T. IV. 864 s.
14. Chernyh P.Ya. Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2-h t. 3-e izd., ster. M.: Russkij yazyk, 1999. T. 2. Pancir' – Yashchur. 560 s.
15. Russkij semanticheskij slovar'. Tolkovyj slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij: V 4-h t. / Rossijskaya akademiya nauk. In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova; Pod obshch. red. N.Yu. Shvedovoj. M.: Azbukovnik, 1998. T. I. 807 s.
16. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka / Sost. i gl. red. S.A. Kuznecov. SPb.: Norint, 2000. 1536 s.
17. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4-h t. M.: Ripol-Klassik, 1999. T. 4. 1144 s.
18. Efremova T.F. Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj: V 2-h t. M.: Russkij yazyk, 2000. T. II. 1088 s.
19. Ozhegov C.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij. 14-e izd., dop. / RAN, In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova. M.: Azbukovnik, 2000. 944 s.

20. Slovar' russkogo yazyka: V 4-h t. / Pod red. A.P. Evgen'evoj. M.: Russkij yazyk, 1985–1988. T. 4. 1988. 802 s.
21. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17 t. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1950–1965. T. 17. 1965. 1074 s.
22. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: V 4-h t. / Pod red. D.N. Ushakova. M.: Terra, 1996. T. 4. 1064 s.
23. Radbil' T.B. Vyyavlenie sodержatel'nyh i rechevyh priznakov nedobrosovestnoj informacii v ekspertnoj deyatel'nosti lingvista // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2014. № 6. S. 146–149.
24. Radbil' T.B., Yumatov V.A. Sposoby vyyavleniya implicitnoj informacii v lingvisticheskoj ekspertize // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2014. № 3 (2). S. 18–21.
25. Radbil' T.B., Yumatov V.A., Graneva I.Yu. Manipulyativnyj potencial russkih mestoimenij v lingvisticheskoj ekspertize spornyh tekstov // Yazyk i metod–6: Russkij yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyah XXI v.: Sbornik nauchnyh trudov / Red. D. Shumska, K. Ozga. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagellońskiego, 2019. S. 147–153.
26. Chelovecheskij faktor v yazyke: Kommunikaciya, modal'nost', dejksis / N.D. Arutyunova, T.V. Bulygina, A.A. Kibrik i dr.; Otv. red. T.V. Bulygina; Ros. AN, In-t yazykoznanija. M.: Nauka, 1992. 281 s.
27. Graneva I.Yu. Mestoimenie my v sovremennom russkom yazyke: kommunikativno-pragmaticheskij podhod: Diss. ... kand. filol. nauk. Kirov, 2010. 197 s.
28. Radbil' T.B. Osnovy izucheniya yazykovogo mentaliteta: Uchebnoe posobie. 4-e izd., stereotipn. M.: Flinta; Nauka, 2016. 328 s.
29. Radbil' T.B. Kognitivistika: Uchebnoe posobie. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskij gosuniversitet, 2018. 375 s.
30. Paducheva E.V. Semanticheskie issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa). M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1996. 464 s.
31. Uspenskij B.A. Poetika kompozicii. SPb.: Azbuka, 2000. 352 s.